

ИМПЕРСКОЕ
МАГИЧЕСКОЕ
АКАДЕМИЧЕСКОЕ

НАСЛЕДНИК

КОТОРОГО

НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ

ШЕРЕМЕТЬЕВЫ

ПРИКАЗ

СЛОВО — ЗАКОН
ЦЕНА — КРОВЬ

ПОГЛОЩЕНИЕ

КОПИРОВАНИЕ
ЧУЖАЯ МАГИЯ — МОЯ СИЛА

КОНТРАКТ

ПОДПИСАНО КРОВЬЮ
СКРЕПЛЕНО ЖИЗНЬЮ

Lost In Space

Lost Space
**Наследник, которого
не должно быть**
Серия «Наследник, которого
не должно быть», книга 1

*<https://litres.ru/73974549>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Я погиб, успев понять главное: предают чаще всего свои. Вот только смерть оказалась не финалом — я очнулся в другом мире в теле юного княжича Дмитрия Шереметьева, ученика Имперской магической Академии. Казалось бы, живи да радуйся: титул, деньги, будущее. Если бы не одна мелочь — родной клан давно живёт по чужим правилам, родители мертвы, а власть в доме держит дядя, которому наследник совершенно ни к чему.

В довесок ко всем семейным радостям у меня просыпается редчайший источник императорской магии приказа и контракта, где каждое слово может стать законом — но за любой закон приходится платить кровью и жизненной силой. А ещё со мной остаётся опасный дар прежней жизни: поглощение и копирование чужой магии. Слишком много силы для парня, которого хотят списать в несчастный случай.

В Академии меня встречают хейтеры, дуэли и правила, написанные не для таких, как я.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Наследник, которого не должно быть

Глава 1

Глава 1 — «Последний рубеж»

Я умер красиво.

Проблема в том, что красиво умирают в балладах, а в реальности это выглядит как: ты стоишь по колено в грязи, по локоть — в крови (в основном чужой), а у тебя в голове только одна мысль — лишь бы они успели уйти.

Небо было пепельно-серое, перечёркнутое рваными полонами заклятий. Слева — горело поле, справа — хрустела под сапогами замёрзшая трава. Передо мной — чёрная линия, на которой мир заканчивался и начиналось то, что нельзя оставлять живым.

Рубеж.

Я держал его уже третьи сутки.

Смешно. В прежние времена я думал, что «держат рубеж» — это красивое выражение. Что-то из учебников, где герои стоят на стенах и пафосно смотрят вдаль. Оказалось, это выражение означает:

у тебя нет времени на сон и еду,

у тебя нет времени даже подумать о том, что у тебя, возможно, больше нет будущего.

Есть только магия. И воля.

И люди за твоей спиной.

Они бежали по дороге, которая вела к столице. Кто-то — на повозках, кто-то — пешком, кто-то нес на руках детей и узлы с вещами. Я их не различал по лицам — лица у людей в такие моменты одинаковые. Слишком большие глаза, слишком открытый рот, слишком быстрые движения.

Зато я различал их по звуку.

По тому, как плачет младенец. По тому, как скрипит колесо. По тому, как человек пытается не кашлять, когда в горле кровь.

Сзади, за моей спиной, скрипнула каменная плита — последняя из трёх печатей рубежа. Я не обернулся. Я и так знал, что она треснула.

Третья печать всегда трескается первой. У неё характер такой.

Я поднял руку и медленно, с осторожностью, как будто гладил зверя, провёл пальцами по воздуху. Там была невидимая граница — мой щит. Мой купол. Моя кость в горле у тех, кто наступал.

Он был тёплым. Почти горячим. Это нехороший признак. — Держится? — спросил кто-то позади.

Голос знакомый. Слишком спокойный для конца света.

— Держится, — ответил я. И добавил, чтобы человек не

вздумал обнадёживаться: — Пока я держусь.

— Ты умеешь приободрить.

Я всё-таки обернулся.

Мой советник. Мой лучший ученик. Мой человек, которому я доверял настолько, насколько вообще можно доверять в мире, где у власти всегда есть цена.

Он стоял в двух шагах, в плаще поверх доспеха, и выглядел так, будто пришёл не на линию гибели, а на приём к канцлеру. Даже волосы не растрепались.

Меня это раздражало. Но раздражение — роскошь. Я позволял себе его только потому, что если я перестану быть раздражительным, значит, я перестал быть живым.

— Народ ушёл? — спросил я.

— Почти. Остались хвосты. И обоз с ранеными.

«Обоз с ранеными» — это, конечно, звучит прилично. На деле это десять телег, на которых лежат люди, у которых уже нет будущего, и они это знают. Они просто не хотят умирать на дороге, как собаки. Хотят умереть под крышей. Или хотя бы на соломе.

Я кивнул.

— Тогда ещё час, — сказал я.

— Час? — он поднял бровь. — Ты с ума сошёл. У тебя источник ты же на пределе.

Я усмехнулся.

— Я всегда на пределе, когда это важно.

— Ты не бессмертный, — сказал он тихо. — Даже ты.

Вот тут он был прав. Я не был бессмертным.

Я был сильным.

А это — совсем другое.

Сильные умирают так же, как все. Просто обычно успевают сделать больше гадостей врагам до того, как упасть.

Вдалеке шевельнулась тьма.

Нет, не тьма. Я бы предпочёл, чтобы это была тьма. Тьма — явление нейтральное. Её можно развеять светом, разрезать огнём, прогнать заклинанием.

То, что ползло к нам, было хуже. Оно было организованным.

Чёрные силуэты поднимались над линией горизонта. Вспышки — это работали их маги. Глухой удар — это проседали наши старые мины, закопанные ещё до моей молодости. И свист — не стрел. Свист ветра, который возникает, когда воздух режет чужая сила.

Мой щит ответил лёгкой вибрацией.

Он почувствовал, что к нему идут.

— Они ускорились, — сказал советник.

— Я тоже, — ответил я.

Я разжал пальцы и вытащил из-за пазухи медальон.

Обычный медальон, серебряный, с трещиной по краю. Кто-то сказал бы: «зачем тащить на войну семейную безделушку». А я бы ответил: «а ты попробуй выжить без своих якорей».

Я сжал медальон и прошептал короткую формулу. Не для

силы — для ясности.

Внутри головы стало чуть холоднее. Мысли выстроились в ряд, как солдаты.

Я поднял обе руки.

И мир ответил.

Магия не приходит «из ниоткуда». Это сказки для студентов. Настоящая магия — это когда ты чувствуешь, как через тебя протягивается жила, и по ней идёт кровь мира. Если ты умеешь направлять — она становится заклинанием. Если не умеешь — она становится твоей смертью.

Я умел.

Рубеж вспыхнул белым контуром. Купол задрожал, но выровнялся. В воздухе запахло озоном и палёной солью.

— Назад! — крикнул кто-то позади, и я услышал, как побежали последние, кто ещё не успел уйти.

Я видел всё одновременно: как линия врага приближается, как мои печати трещат, как мой резерв тонко пищит где-то на самом дне. Как будто в груди сидит маленький зверёк и скребёт лапами: не хватит не хватит

Я на секунду позволил себе роскошь — подумать о том, что будет, если не хватит.

И тут мой советник сделал шаг ближе.

— Есть способ, — сказал он.

Я не ответил. Способы всегда есть. Вопрос в том, сколько они стоят и кого они убивают.

— Я подготовил форму, — продолжил он. — Всего одна

печать. Если ты подпишешь — рубеж продержится дольше. Намного дольше.

Я повернул голову.

— Подпишу? — переспросил я медленно.

Он держал в руках тонкую пластину — не металл, не камень, что-то между. На ней светились строки. Я видел их даже отсюда. Формулировка была идеальной: без дыр, без двусмысленностей, без лазеек.

Слишком идеальной.

— Это контракт? — спросил я.

— Да, — сказал он и посмотрел мне прямо в глаза. — Твой.

Контракт.

Я не любил контракты в бою. Контракты — это когда есть время. Когда есть свидетели. Когда есть сила на откат. Контракт — это цивилизация. А рубеж — это место, где цивилизации обычно заканчиваются.

Но строки на пластине были красивыми. И правильными. И обещали именно то, что мне было нужно: время.

— Цена? — спросил я.

Он улыбнулся. Почти тепло.

— Только твоя подпись.

Вот это и было неправильным.

Потому что в мире нет заклинаний без цены. Даже добро стоит чего-то. Особенно добро.

Я протянул руку — и в этот момент щит дрогнул сильнее.

По куполу пробежала трещина, как молния по стеклу.

Мы не проживём час.

И он это знал.

Я взял пластину.

Слова на ней светились мягко, успокаивающе. Они говорили: защитить рубеж, удержать врага, не дать пройти — всё, что я и так делал.

Слишком хорошо.

Я посмотрел на него.

— Ты уверен? — спросил я.

— Абсолютно, — ответил он.

Где-то вдалеке раздался звук, похожий на смех. Или на вой. Или на то и другое сразу.

Я провёл пальцем по нижней строке, где была пустая линия для подписи.

И почувствовал, как что-то в мире затаило дыхание.

Не я один.

— Ладно, — сказал я тихо. — Подпишу.

Я уколол палец — привычно, без лишней драматургии. Кровь выступила мгновенно, тёмная, густая.

Капля упала на пластину.

И в ту же секунду мир улыбнулся.

Я почувствовал это физически, кожей, как ощущают сквозняк в комнате, где вроде бы закрыты окна.

Печать вспыхнула.

Но не белым.

Чёрным.

— Что ты — начал я.

Советник шагнул назад.

— Прости, — сказал он.

И это было самое честное слово, которое я от него услышал за последние годы.

Меня ударило так, будто мне выдернули позвоночник и заменили его на раскалённый прут. Контракт не усилил мой щит — он переписал его. Сменил хозяина. Сменил смысл.

Щит, который был моим, на миг стал чужим.

И в этот миг по нему ударили.

Снаружи. Сразу. Как будто ждали именно этого.

Купол лопнул.

Воздух взорвался.

Я успел сделать одно.

Я успел повернуть остатки силы внутрь, не наружу — и закрыть собой разрыв, чтобы те, кто бежал по дороге, не получили удар в спину прямо сейчас.

Потому что если у тебя украли щит, ты можешь хотя бы стать щитом сам.

Я рухнул на колени.

Мир вокруг стал глухим, как будто меня уронили в воду. Вкус крови — железо и пепел. В глазах — белые пятна.

Где-то далеко, за шумом, я слышал, как люди кричат.

Я поднял голову.

Советник стоял на месте. Смотрел на меня.

Не с ненавистью. Не с радостью.

С пустотой.

— Зачем? — спросил я. Голос вышел странным, чужим.

— Так надо, — ответил он.

Я рассмеялся. Не потому что было смешно. Потому что иначе я бы закричал.

— Так надо — прошептал я. — Ты хотя бы придумал что-то новое?

Он отвернулся.

А я почувствовал, как моя магия уходит.

Не тратится. Не расходуется. А именно уходит — как вода из пробитой бочки.

Контракт держал меня на крючке.

Я посмотрел на свои руки. Они дрожали. Не от страха. От злости.

И от бессилия.

Над рубежом поднялась тень. Враг вошёл в разрыв.

Я сделал последнее — то, что всегда делаю, когда у меня отнимают выбор.

Я создал выбор сам.

Собрал остаток резерва в одну точку — в сердце, в источник, в самую глубину.

И рванул.

Вспышка была белой. Чистой. Настоящей.

Я успел увидеть, как линия врага отшатнулась.

Я успел почувствовать, что дорога за моей спиной ещё жи-

ва.

А потом мир погас.

Последняя мысль была удивительно спокойной:

Если уж меня предали, то пусть хотя бы не зря.

И темнота ответила мне чем-то похожим на шёпот.

Не голосом.

Скорее законом.

Как будто кто-то где-то поставил печать на мою смерть.

И сказал:

— Недостаточно.

Глава 2

Глава 2 — «Новое тело — старые привычки»

Я пытался вдохнуть — и не мог. Пытался открыть глаза — и в ответ получал только белые вспышки под веками. Пытался пошевелиться — и понимал, что у меня, кажется, нет ни рук, ни ног, ни вообще приличного набора деталей, положенного живому существу.

А потом в грудь ударил воздух.

Я закашлялся так, будто из меня пытались вытащить весь прошлый мир целиком. Кашель был влажный, отвратительный, с привкусом лекарств и чего-то сладкого — как будто кто-то решил, что умирать должно быть приятно на вкус.

— Он пришёл в себя! — раздался женский голос.

Голос был слишком громким и слишком близким. Значит, я не в загробном мире, а где-то в помещении. В загробном мире обычно потише. Там, по крайней мере, не кричат на ухо.

Я попытался поднять руку. Рука поднялась. Плохая новость: рука была не моей. Хорошая новость: она вообще была.

Открыл глаза.

Белый потолок. Лепнина. Хрустальная люстра, которая явно стоила дороже, чем моя крепость на рубеже. Слева — тяжёлые шторы, справа — зеркало в золочёной раме.

Моё внимание мгновенно прицепилось к зеркалу, как к крюку.

В зеркале сидел парень.

Юноша. Лет семнадцать? Восемнадцать? Лицо бледное, губы сухие, глаза серые и очень злые — даже сейчас.

Нос прямой. Скулы — аристократические, как их любят рисовать художники. Волосы тёмные, непослушные, с прядью, упавшей на лоб.

Я моргнул.

Парень в зеркале моргнул тоже.

— Нет, — произнес я, и мой голос, казалось, потерял свою обычную силу, не соответствуя положению человека, который держал рубеж. — эх, красавец-мужчина, вылитый я в молодости.

— Ваша Светлость, Дмитрий Александрович? — осторожно позвали меня.

Я медленно повернул голову.

У кровати стояла женщина в строгом платье. Возраст определить сложно: то ли тридцать, то ли пятьдесят — такие люди стареют не годами, а статусом. В руках — поднос с миской, пахнувшей бульоном и травами.

— Дмитрий Александрович, — повторил я и почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло.

Имя ударило по памяти.

Не моей.

Чужой.

В голове будто открыли шкаф и высыпали на пол чужую жизнь: кусками, обрывками, запахами, голосами.

Сокровища и мусор — всё вперемешку.

Я зажмурился. Удержался, чтобы не выругаться вслух. Нельзя пугать людей, если ты не уверен, что можешь их потом успокоить. А я сейчас мог успокоить разве что труп.

— Где я?

Женщина облегчённо выдохнула, как будто боялась, что я начну говорить на мёртвом языке.

— В вашем доме, Ваша Светлость. Вы потеряли сознание после тренировки. Врач сказал, что вам нужен покой и в результате травмы, возможна кратковременная потеря памяти.

Я оглядел комнату внимательнее.

Это не больничная палата. Спальня. Она богата и ухожена, но совершенно лишена тепла. Мебель дорогая и идеально расставлена, как в каталоге. Нет никаких личных вещей: ни рисунков, ни книг на тумбочке. Даже воздух кажется чужим, наполненным чьей-то властью. Так пахнут дома, где ты не чувствуешь себя хозяином.

Я опустил взгляд на свои руки. На запястье — тонкий шрам.

На пальцах — следы от тренировочных ожогов.

Юноша действительно тренировался.

И, судя по болезненному откату в груди, тренировался с источником.

Я послушал магию — привычно, как слушают звук соб-

ственного дыхания.

И почувствовал её.

Источник был живой, сильный, но странный.

Он был как два голоса, поющих в унисон. Один — ровный, строгий, требовательный. Он звучал как закон, как печать, как приказ, который не обсуждают.

Другой — голодный.

Тихий. Липкий. Как тень под дверью.

Я сглотнул. Магия поглощения и приказа в одном теле.

Создается впечатление, что кто-то целенаправленно и с большим усердием следует некоему плану по усугублению текущего положения дел.

— Воды, — попросил я.

Женщина тут же протянула стакан.

Я выпил и понял, что мне не просто хочется воды — мне хочется жить. Тело требовало энергии, как инструмент требует смазки.

— Кто вы? — спросил я, не отрывая взгляда от её лица.

Она чуть наклонила голову, и в этом жесте было столько привычного подчинения, что меня почти передёрнуло. Подчинение бывает разным. Это было подчинение человека, которого долго учили бояться.

— Марфа. Домоправительница.

-Я — она замялась. — Я служу вашему дому с тех пор, как

С тех пор как умерли родители. Не договорила, но память Дмитрия докинула эту фразу сама, как щепку в костёр.

Родители погибли несколько лет назад.

А дом остался дяде.

Дядя.

Слово пришло с таким холодом, что я почувствовал, как в горле встаёт металлический вкус — тот самый, что бывает перед боем.

— Дядя дома? — спросил я.

Марфа нервно взглянула на охранника.

Охранник — на неё.

И вот это было уже интереснее любых слов.

- Его Светлость. - начала она осторожно, - князь Алексей Сергеевич сейчас в отъезде. Он велел передать, что навестит вас позже.

Позже — это прекрасно. Позже обычно означает когда будет удобно. А когда удобно человеку, который хочет избавиться от наследника? Никогда.

Я кивнул, будто поверил.

— Хорошо, — сказал я.

И снова прислушался к источнику.

Тот строгий голос внутри меня реагировал на слова. Не на смысл — на формулировки. На структуру речи. Как будто магия ждала, когда я скажу что-то, что можно закрепить.

Приказ.

Контракт.

Закон.

А голодный голос реагировал на людей рядом. На их сла-

бые заклинания, на их амулеты, на остатки чар в комнате.

Он как будто облизывался.

Я посмотрел на охранника.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Степан Платонович, Ваша Светлость — ответил тот.

Наклонил голову. Не слишком низко. Охранник не раб, но и не равный.

— Степан Платонович, — повторил я.

Я подбирал слова аккуратно. В прошлом мире я мог сказать стоять — и стояли стены. Здесь я ещё не знал цену.

— Скажите — я сделал паузу, — вы получили приказ следить за мной?

Домоправительница резко вдохнула.

Охранник на мгновение замер.

И в этот миг я почувствовал, как строгий голос в источнике шевельнулся.

Как будто услышал слово приказ и решил: о, это про меня.

— Дмитрий Александрович — начал охранник.

Я поднял ладонь.

— Просто ответьте да или нет.

И добавил, стараясь, чтобы это звучало как обычная человеческая просьба, а не как магический удар:

— Скажите правду.

Ничего не вспыхнуло. Не было грома. Не было светящихся печатей в воздухе.

Зато я почувствовал, как будто кто-то невидимый провёл

лезвием по внутренней стороне моей груди — неглубоко, но неприятно. И тут же в нос ударил железный запах.

Кровь.

Я машинально провёл пальцем под носом.

Красная полоска.

Отлично. Я даже не подписывал ничего — просто сказал.

А источник уже взял плату.

Значит, цена высокая. Или я слаб в этом теле. Или источник слишком жадный.

Или всё вместе, и кто-то наверху хохочет.

Охранник сглотнул. Его кадык дёрнулся.

— Да, — сказал он через силу. — Мне велели присматривать за вами. Ради вашей безопасности.

Вот это ради вашей безопасности прозвучало так, будто его заставили добавить.

Я выдавил из себя ту самую "похоронную" улыбку — знаете, когда вроде бы и надо посочувствовать, но понятия не имеешь, кого именно хоронят.

— Спасибо, — сказал я. — Безопасность — вещь важная.

Марфа побледнела ещё сильнее.

— Ваша Светлость, вам следует избегать волнений, — тихо произнесла она.

— Не беспокойтесь, — ответил я, сам пораженный ровностью своего тона. — Я как раз собираюсь обрести душевное равновесие.

Я откинулся на подушки и закрыл глаза.

В голове, за шумом чужой памяти, возникла ясная мысль: меня уже пробовали контролировать.

И меня уже пробовали оберегать.

Я знаю, чем это заканчивается.

Я снова прислушался к миру — к магии, к дому, к людям.

Где-то далеко, за стенами, хлопнула дверь. Проехала карета. Послышались шаги по коридору.

И ещё я почувствовал кое-что.

Тонкий, едва заметный след чужой магии на пороге моей комнаты.

Не домашней.

Не академической.

Сухой, холодный, как печать на контракте, который ты не подписывал.

Я открыл глаза и посмотрел на домоправительницу.

— Скажите, — спросил я мягко, — кто сегодня был в моих покоях, пока я отдыхал?

Она растерянно заморгала.

— Никто, Дмитрий Александрович только врач. И — она запнулась.

Я дождался.

— И человек от Его Светлости, — выдавила она наконец. — Он проверял ваши бумаги.

Человек от дяди. Проверял бумаги.

В комнате наследника.

Пока наследник без сознания.

Я почувствовал, как внутри поднимается знакомое, тёплое и очень опасное чувство.

Желание действовать.

Прямо сейчас.

Сломать. Наказать. Установить порядок.

В прошлом мире я бы уже поднялся, вышел и вырвал бы правду из горла каждого, кто стоит на пути.

Но здесь другое тело. Другие правила. И источник, который берёт плату за каждое слово, которое я делаю законом.

Я заставил себя вдохнуть медленно.

И улыбнулся.

— Прекрасно, — сказал я. — Значит, начнём с бумаг.

Домоправительница непонимающе посмотрела на меня.

— Принесите мне всё, что осталось от отца и матери. Все письма. Все распоряжения. Все счета. Всё.

Я посмотрел на охранника.

— И вы, Степан Платонович, тоже поможете. Вы же следите за мной ради безопасности, верно?

Охранник дернулся, будто хотел возразить — но не смог. Источник приказа больше не давил. Я не произносил закрепляющих слов.

Но он уже понял: я умею задавать вопросы так, что ответы становятся ловушками.

— Да, Ваша Светлость, — сказал он хрипло.

Я снова вытер кровь под носом, будто это мелочь.

На самом деле это было важнейшим сигналом.

Каждое моё право будет стоить мне жизни.

В прямом смысле.

Ну что ж.

Я умею считать цену.

И умею заставлять других платить больше.

Ведь жизнь - это очередь за смертью, но только некоторые лезут без очереди.

Глава 3

Глава 3 — «Дом, веселых кинжалов»

Документы принесли быстро.

Слишком быстро.

Это всегда настораживает. Когда люди выполняют просьбу наследника без привычного да-да, конечно, сейчас, значит, либо они боятся, либо им заранее приказали: вот это можно дать, а вот это — нельзя.

Домоправительница появилась с деревянным ларцом, запертым на тонкий замок. Ларец был старый, потёртый, явно не из тех, что выставляют в гостиной на показ. Он пах не воском и дорогим деревом, как вся эта правильная спальня, а пылью, бумагой и домом.

Настоящим.

Она поставила его на столик у кровати и чуть отступила, будто боялась, что я его укушу.

— Это всё, что осталось, Дмитрий Александрович, — тихо сказала она. — Личное. Переписка. Несколько — запнулась, — квитанций.

Несколько. Прекрасное слово. У него всегда есть продолжение: а остальное исчезло.

Я кивнул, изображая равнодушие.

— Ключ?

Марфа молча протянула тонкий ключик на цепочке.

Я взял его — и почувствовал, как охранник, Степан Платонович, чуть сместился ближе к двери. Не в мою сторону. К двери.

Так двигаются люди, которым велели: если начнёт копать — сообщи.

Ладно. Пусть сообщает. Чем больше людей узнает, что я живой и думаю, тем меньше шансов, что меня тихо вынесут из дома ночью в ковре.

Я вставил ключ в замок. Провернул.

Щёлк.

Ларец открылся, и сверху лежал пакет писем, перевязанный лентой. На ленте — герб: крылатая птица и три звезды. Шереметьевы.

Память тела — чужая, но полезная — отозвалась лёгкой болью. Это герб моего рода. Того, что должно было стать моим. И того, что, судя по всему, уже давно не моё.

Я развернул первое письмо.

Почерк был знакомым не мне, но Дмитрию в голове. Отец.

Я успел прочитать две строки, и что-то внутри меня щёлкнуло ещё раз, уже по-другому.

Письмо было не про любовь, не про воспитание и не про мой сын, будь достоин.

Оно было про деньги.

Про долги.

Про поставки.

Про то, что контракт с промышленным домом Демидовых

требует пересмотра.

Я перелистнул дальше.

Следующее письмо — мать. Запах чернил будто другой, более лёгкий. В тексте больше между строками: не прямые указания, а намёки, просьбы, тревога.

Лёша давит. Он слишком торопится. Если со мной что-то случится — не верь словам, ищи печати.

Лёша.

Дядя.

Я медленно вдохнул.

— Марфа, — сказал я, не отрываясь от бумаги. — Когда умерли мои родители?

Женщина дёрнулась, будто я ударил её по лицу.

— Несчастный случай, Дмитрий Александрович — начала она автоматически, как выученную молитву. — Карета на мосту лёд вода

— Когда? — повторил я.

Она сглотнула.

— Три года назад. В конце зимы.

Три года. Значит, Дмитрий в этом теле жил всё это время под дядей. И, судя по тому, что я сейчас читаю, — жил, как зверь в клетке: вроде кормят, но дверца всегда на замке.

Я взял квитанции.

Вот здесь было самое интересное. Потому что письма можно подделать. Человек может переписать слова, эмоции, смысл. А вот деньги — упрямая штука. Они оставляют сле-

ды, даже когда их прячут.

Квитанций действительно было несколько.

И каждая — мелкая. Домашние расходы. Плата за лекаря. Плата за обучение Дмитрия до Академии.

А где крупное?

Где содержание дома, охрана, ремонты, хозяйство, налоги? Где счета за поместья, рудники, предприятия — всё то, что должно быть у княжеского рода?

Нет.

Либо я держу в руках детский набор наследника, чтобы не лез, куда не надо.

Либо род уже обобрали так, что показывать нечего.

Я осторожно отложил бумаги на стол и посмотрел на Марфу.

— Где остальные документы? — спросил я спокойно.

Она побледнела.

— Дмитрий Александрович я — голос дрогнул. — Его светлость велел

Ага.

Велел.

Я мог бы сейчас сказать: говори, и источник бы зашевелился. Я бы снова заплатил кровью. И получил бы правду.

Но я уже чувствовал лёгкую слабость после предыдущего скажите правду. Для тела это пока была серьёзная трата.

А значит, надо действовать иначе.

Старым способом, ещё до магии.

Политикой.

— Марфа, — сказал я мягко, почти сочувственно. — Вы служите этому дому. Не дяде. Дому.

Она сжала пальцы так, что побелели костяшки.

— Да, Ваша Светлость.

— Где остальные документы?

Она вздрогнула.

— Документы у нотариуса, — выдохнула она. — Часть. Остальное в кабинете его светлости. У вас туда нет доступа.

— Нотариус? — уточнил я.

— Родовой. Иван Григорьевич Корнеев.

Имя тоже отозвалось в памяти Дмитрия: сухой, правильный, служит закону. Таких можно купить. И иногда их можно перекупить — если предложить лучшую цену или лучший страх.

Я кивнул.

— Хорошо. Степан Платонович, — повернулся я к охраннику, — вы знаете, где живёт нотариус Корнеев?

Охранник замялся.

— Знаю, Дмитрий Александрович. Но без распоряжения

— Без распоряжения дяди? — уточнил я.

Он сжал челюсть.

— Его Светлости.

Я улыбнулся.

— Прекрасно. Значит, поедем вместе. Вы же отвечаете за мою безопасность.

Марфа тихо охнула.

Охранник посмотрел на меня так, как смотрят на человека, который добровольно лезет в яму со змеями.

— Дмитрий Александрович, сейчас вам не стоит — начал он.

— Стоит, — сказал я.

И, чтобы не превращать это в спор, добавил чуть более лёгким тоном:

— Иначе я начну тренироваться. А вы сами сказали, что я потерял сознание после тренировки. Хотите повторения?

Охранник поморщился.

Я увидел, как в его глазах пробежала мысль: если он снова свалится, отвечать мне.

Прекрасно. Люди лучше всего работают, когда защищают свою шкуру.

— Я распоряджусь каретой, — выдавил он.

— Отлично.

Домоправительница всё ещё стояла рядом, будто боялась уйти и оставить меня наедине с моими выводами.

Я посмотрел на неё и неожиданно для себя спросил:

— А вы вы любили моих родителей?

Она вздрогнула, будто ей задали неприличный вопрос.

Потом опустила глаза.

— Они были добры, Дмитрий Александрович.

Добры. В мире кланов и власти это почти приговор.

Я кивнул.

— Тогда сделайте ещё одну вещь, — сказал я тихо. —

Никому не говорите о нотариусе. Ни слова.

Она подняла на меня взгляд, полный страха.

— Его Светлость узнает

— Пусть узнает позже, — сказал я. — И лучше от меня.

Она колебалась.

Я мог бы надавить приказом. Мог бы выжечь этот страх в ней.

Но цена крови и цена доверия слишком высоки. Приказом ты получаешь исполнение. Доверием — союзника.

А союзники мне понадобятся.

— Хорошо, — наконец прошептала она. — Я я никому.

Я встал.

Тело качнуло, как молодое дерево на ветру. Слабость всё ещё сидела в мышцах. Но я устоял.

Под воротом рубахи что-то было. Цепочка.

Я вытащил её наружу.

На цепочке висел медальон. Серебряный. С трещиной по краю.

Тот же самый, что я сжимал на рубеже в прошлом мире.

На секунду у меня перехватило дыхание.

Это невозможно.

И всё же он был здесь. Тяжёлый, реальный.

Я провёл пальцем по трещине — и почувствовал слабое, едва живое эхо магии. Как след старого пожара в камне.

Меня качнуло, словно молодое деревце, подхваченное по-

рывом ветра. Мышцы всё ещё хранили остатки немощи, но я смог удержать равновесие.

Под воротником рубахи что-то ощущалось. Тонкая цепочка.

Я вытянул её наружу.

На ней висел медальон. Серебряный, с едва заметной трещиной по краю.

Не может быть... Тот самый, что я сжимал на рубеже в другом мире.

На мгновение воздух застрял в горле.

Артефакт этого мира, удивительно похожий на мой из прошлого либо

либо меня не просто переселили. Меня протащили вместе с кусочком того, кем я был.

Магия поглощения? Приказ? Медальон?

Слишком много совпадений.

Я спрятал медальон обратно под рубаху.

— Поедем.

И в этот момент дверь открылась без стука.

В комнату вошёл мужчина.

Он был одет дорого, без показной роскоши — так одеваются люди, которые не хотят доказывать, что они богаты. Волосы аккуратно уложены, лицо гладко выбрито, глаза светлые и внимательные.

Он улыбнулся.

Улыбкой, от которой в комнате стало холоднее.

— Дмитрий, — сказал он мягко. — Ты уже на ногах? Как замечательно.

Дядя.

Князь, Шереметьев Алексей Сергеевич.

Он двинулся ко мне, раскинув руки, словно раскрывая объятия. И в этот момент я увидел ясно, как день: если я позволю ему себя обнять, моя спина почувствует холод стали. Возможно, не настоящей, но бережёного нож бережёт.

Я сделал шаг в сторону, будто просто уступил ему место.

— Дядя, рад вас видеть.

Его взгляд прошелся по моей руке, по старинному ларцу, по разложенным документам. Его губы не изменили своей улыбки, но в глубине глаз промелькнула жесткость.

— Что это? — его голос прозвучал как вопрос, но с оттенком настороженности.

— Я пытаюсь сохранить память о родителях, — ответил я.

— Понимаю, — произнес он, склонив голову в подобии скорби. — Это благородно. Но, — он сделал паузу, — тебе не следует — он запнулся, — ворошить прошлое.

ворошить прошлое . Конечно.

Чтобы наследник не тревожил себя вопросами о том, как именно умирают родители и куда исчезают документы.

Я улыбнулся так же вежливо.

— Я уже разворошил.

Дядя рассмеялся — негромко, тепло, как взрослый, который терпит детскую дерзость.

— Ты всегда был упрямым, Дима. Это у нас семейное.

Он произнес "у нас", и в этом простом слове чувствовалась такая уверенность в своем праве на это место, что я ощутил себя здесь чужим, а он — истинным владельцем.

Он повернулся к охраннику.

— Степан, оставь нас.

Охранник замер. Я увидел в его глазах короткую борьбу: приказ дяди против моей безопасности.

А потом он посмотрел на меня — и я понял: он ждёт, что я его отпущу.

Прекрасно. Первый тест.

Я мог бы сказать: останься, и закрепить это приказом. Заплатить кровью. Получить охранника рядом.

Но тогда дядя поймёт, что у меня проснулась магия приказа. И начнёт действовать быстрее.

Нет. Рано.

Я кивнул охраннику.

— Идите, Степан Платонович. Но карету готовьте.

Дядя приподнял бровь.

— Карету?

— Да, — сказал я спокойно. — Я еду к нотариусу.

В комнате повисла тишина.

Марфа сделала маленький шаг назад, будто пыталась стать частью стены.

Дядя не изменился в лице. Но я почувствовал, как его улыбка стала тоньше.

— Зачем? — спросил он.

— Хочу получить доступ к документам рода, — ответил я. — Раз я наследник.

Я сказал это специально. Слово наследник должно было ударить.

И ударило.

В глазах дяди вспыхнуло что-то — на долю секунды. Холодное, хищное. Потом снова улыбка.

— Конечно, — произнёс он мягко. — Ты наследник. Просто ты ещё молод. И тебе нельзя перегружать себя взрослыми делами.

Потом сделал шаг ближе и заговорил тише, почти по-дружески:

— Дмитрий, я ведь о тебе забочусь. Ты понимаешь?

— Понимаю, — ответил я. — Поэтому и еду к нотариусу. Чтобы не нагружать вас лишними хлопотами.

Это была вежливость, доведённая до уровня оружия.

Дядя выдохнул и наконец показал зубы — не буквально, но по сути.

— Тебе нельзя ехать одному, — сказал он.

Я почувствовал, как строгий голос моего источника отозвался внутри — как натянутый нерв. Ему понравилось это место. Ему захотелось ответить приказом на приказ.

И вот тут мне пришлось сделать выбор.

Либо уступить — и закрепить за дядей право решать мою жизнь. Либо приказать — и заплатить кровью, выдав себя.

Я улыбнулся.

— Тогда поедете со мной, — сказал я. — Как заботливый родственник.

Дядя замер.

А потом медленно, очень медленно, рассмеялся.

— Хорошо, — сказал он. — Поеду.

И добавил так же тихо:

— Но ты пожалеешь, что начал взрослые игры, Дима.

Я посмотрел ему в глаза.

— Я уже взрослый, — ответил я. — Просто вы об этом ещё не знаете.

И в этот момент я снова почувствовал тот же сухой, холодный след магии — не дяди, нет.

Чужой.

Как будто кто-то стоял за дверью и слушал. Не ушами. А печатью.

И мне стало окончательно ясно:

в этом доме улыбаются неправильно не потому, что здесь плохие люди.

А потому, что здесь давно живёт страх.

Мы так долго стояли на краю пропасти, что стали называть этот край родным.

Глава 4

Глава 4 — «Мой дядя самых честных грабил»

Карета пахла кожей, холодным железом и чужими духами.

Духи были дорогими. Лёгкими. С ноткой цитруса, который в нормальной жизни должен ассоциироваться с праздником, а в моей — почему-то с протоколом допроса.

Дядя сел напротив меня, устроился так, будто это его карета и его поездка, и положил трость на колени. Трость была не для ходьбы. Слишком лёгкая, слишком изящная. Скорее — аксессуар для того, чтобы указывать на людей, которых следует убрать с дороги.

Степан Платонович занял место рядом с кучером, снаружи. Формально — охрана. Неформально — свидетели, что я сам поехал.

Домоправительница стояла на крыльце, пока карета не тронулась. Лицо у неё было такое, будто она провожает меня на казнь, но не имеет права плакать.

Дом уплыл назад. Слишком аккуратный, слишком правильный.

Дом, в котором улыбки были не по настроению, а по должностной инструкции.

Дядя заговорил первым — как и положено человеку, который привык выбирать момент.

— Дмитрий, — мягко произнёс он, глядя в окно, — я понимаю твоё желание взрослеть. Но ты должен понимать и меня.

Я не ответил.

Это был один из самых полезных навыков, которые я выучил на войне: когда тебя начинают объяснять, лучше молчать. Объяснения редко бывают ради истины. Чаще — ради того, чтобы у тебя в голове поселилась чужая версия реальности.

Дядя продолжил, как будто мы беседуем в гостиной за чаем.

— После смерти твоих родителей управление родом легло на меня. Это тяжёлое бремя. И я нёс его достойно.

Я посмотрел на него.

— Достойно чего? — спросил я.

Он перевёл взгляд на меня и чуть улыбнулся.

— Достойно памяти твоего отца.

Слова были красивыми. И пустыми.

— Тогда никаких проблем с посещением нотариуса быть не должно.

Дядя вздохнул так, будто я капризный ребёнок, который требует показать игрушку, не понимая, что игрушка заряжена.

— Хорошо, — сказал он. — Посмотри. Но помни: многие бумаги — не для твоего возраста.

Я тоже улыбнулся — так же вежливо.

— А смерть родителей была для моего возраста?

Улыбка у него не дрогнула, но воздух в карете стал чуть плотнее. Он не любил, когда ему напоминают о грубых вещах.

— Осторожнее, Дима, — сказал он тихо. — Некоторые вопросы опасны.

— Опасны для кого? — спросил я.

Он не ответил.

И это был ответ.

Мы ехали минут двадцать. За окном мелькали улицы столицы — широкие, чистые, живые. Люди спешили по делам, торговцы ругались, дети бегали между лавками. Мир был обычным, и от этого становилось противно: где-то держат рубежи, где-то умирают, а здесь — булочки и разговоры.

Карета остановилась у здания с вывеской: Нотариальная палата. Корнеев И.Г.

Серое, строгие колонны, охрана у дверей — не военная, но похожая: люди с такими же глазами, как у Степана.

Дядя вышел первым. Привычно. Хозяином.

Я вышел следом и поймал на себе несколько взглядов — любопытных, быстрых. Нас проводили внутрь почти без ожидания. Фамилия Шереметьевых здесь значила многое.

Коридоры пахли чернилами и старой бумагой. Это был запах власти, которая делает вид, что она всего лишь сервис.

В кабинете нотариуса было тепло. Ковёр, тяжёлый стол, шкафы с папками. На стене — имперский герб и отдельная,

меньшая печать: нотариальная.

За столом сидел мужчина лет шестидесяти, сухой, как выжатый пергамент. Седые волосы, аккуратная бородка. Глаза цепкие, но усталые.

Он поднялся, когда мы вошли.

— Ваша Светлость, Алексей Сергеевич, — произнёс он почтительно. — Дмитрий Александрович. Редкая честь.

Редкая. Ага. Наследника сюда, видимо, не водили. Или водили — но не так, чтобы он что-то понял.

Дядя кивнул.

— Иван Григорьевич, Дмитрий захотел ознакомиться с делами рода. Покажите ему то, что положено.

Нотариус чуть заметно напрягся на словах то, что положено. У него было два хозяина: закон и тот, кто платит за трактовку закона.

Я сел, не дожидаясь приглашения. Молодое тело ещё протестовало, но я заставил его держаться прямо. Слабость — это как кровь на снегу: её видят сразу.

— Иван Григорьевич, — сказал я. — Я хочу видеть все документы, касающиеся управления родом Шереметьевых за последние три года. Счета. Доверенности. Отчёты по акциям. Сделки.

Нотариус моргнул.

Дядя слегка склонил голову, как будто слушает забавную шутку.

— Дмитрий, — мягко сказал он, — ты

Я поднял руку.

— Я наследник, — сказал я спокойно. — И я хочу знать, чем владею.

Слово владею прозвучало как пощёчина.

Нотариус посмотрел на дядю.

Дядя — на нотариуса.

И вот здесь началась настоящая игра.

— Ваша Светлость, Дмитрий Александрович, — начал Корнеев, выбирая слова так, будто каждое из них проверяют на весах, — доступ к части документов ограничен опекунским распоряжением до вашего совершеннолетия.

Опека. Конечно.

Значит, дядя не просто управлял. Он юридически привязал мне руки. Красиво.

— Я понимаю, — сказал я. — Покажите распоряжение.

Нотариус потянулся к ящику, достал папку и положил на стол документ с печатями.

Я наклонился и прочитал.

Формулировка была безупречна. Там не было чтобы защитить мальчика — там было в целях сохранения активов рода и в целях предотвращения злоупотреблений.

Подпись дяди. И ещё одна подпись: кто-то из императорской канцелярии на уровне среднего допуска.

Дядя был не один. Уже тогда.

Я поднял взгляд.

— Иван Григорьевич, — спросил я, — а кто инициировал

вторую подпись?

Нотариус замялся.

— Ваша Светлость, это служебная информация.

Дядя с интересом смотрел на меня, будто наблюдал, как я бьюсь о стекло.

Я откинулся на спинку стула, делая вид, что раздумываю.

На самом деле я раздумывал о другом: как получить правду, не раскрыв себя.

Приказ — опасно. Но можно использовать его точно, на одного человека, без свидетелей. И заплатить кровью если цена не убьёт меня прямо здесь.

Я посмотрел на нотариуса.

— Иван Григорьевич, — сказал я тихо. — Скажите вы понимаете, что если меня убьют, вы окажетесь в центре расследования?

Нотариус чуть дрогнул.

— Что вы такое говорите, Ваша Светлость

— Я говорю о безопасности, — продолжил я ровно. — И о документах. Вы же служите закону.

Его губы сжались.

Дядя улыбался.

Я понял: он думает, что я пытаюсь давить словами. Как ребёнок. Он не ожидает, что я буду давить законом.

Я наклонился вперёд.

— Иван Григорьевич, — сказал я. — Ответьте честно: вы когда-нибудь видели оригиналы документов о гибели моих

родителей?

Тишина.

Нотариус посмотрел на дядю. Потом на меня. Потом снова на дядю.

И вот сейчас я почувствовал, что он на грани: если он соврёт — я это услышу. Не магией. Опытом. Люди лгут одинаково, когда им страшно.

Но он мог и не соврать. Мог сказать правду, которая при этом будет ловушкой.

Я выбрал риск.

— Скажите правду, — произнёс я.

Внутри груди снова полоснуло лезвием. Резко. Больно.

Я почувствовал, как тело на мгновение проваливается — будто из него вынули часть тепла.

Кровь ударила в нос.

Я сдержался, не вытер сразу — не хотел показывать слабость. Просто втянул воздух через рот.

Нотариус побледнел.

— Нет, Ваша Светлость — сказал он. — Оригинал не видел. Мне предоставили копии. Заверенные людьми его Светлости Алексея Сергеевича.

Дядя не шелохнулся.

Но я увидел, как его пальцы чуть сильнее сжали набалдашник трости.

— Благодарю, — сказал я.

Мой голос звучал спокойнее, чем я себя чувствовал. Внут-

ри было мерзко: приказ сработал. Значит, сила есть. И цена — ощутимая. Если я продолжу, меня можно будет просто случайно довести до обморока, а потом — до смерти.

Я посмотрел на Корнеева.

— Иван Григорьевич, — сказал я, — покажите мне список активов рода. То, что не под опекой. То, что я могу видеть.

Он торопливо достал другую папку. Открыл.

И вот тут стало смешно.

Список был коротким.

Неприлично коротким.

Дом. Личный счёт Дмитрия с мизерной суммой. Две небольшие доли в предприятиях — такие, чтобы наследник мог купить себе одежду и не умереть с голоду.

Род Шереметьевых был одним из старых.

Такого быть не могло.

Если только

Если только его не перенесли куда-то в сторону. В доверительное управление. В залог. В сделки, которые временно.

— Это всё? — спросил я.

Нотариус встретился со мной взглядом.

И в его глазах было что-то, чего не было в голосе.

Предупреждение.

Он хотел сказать больше, но не мог.

Я понял: если я начну дальше давить приказом, он либо сломается, либо умрёт. В переносном или прямом смысле. А

мёртвый нотариус — это сигнал тревоги для всех, кто держит сеть.

Дядя чуть наклонился ко мне.

— Видишь? — прошептал он почти ласково. — Всё под контролем. Ты можешь не волноваться.

Я повернулся к нему.

— Я не волнуюсь, — сказал я. — Я запоминаю.

Он улыбнулся шире.

— Запоминай, — сказал он. — Это полезно.

Я встал. Голова на секунду закружилась. Я перехватил край стола пальцами — быстро, незаметно. Вдохнул.

Цена приказа ещё сидела во мне, как холодная игла.

— Иван Григорьевич, — сказал я. — Спасибо за помощь.

Нотариус кивнул, слишком быстро.

— Всегда к вашим услугам, Ваша Светлость.

Мы вышли в коридор.

И вот уже там, когда дверь кабинета закрылась за нами, я почувствовал это снова: сухой, холодный след чужой магии.

Не в кабинете.

В коридоре.

Как будто кто-то пометил мой визит.

Дядя шёл рядом, и его лицо снова стало спокойным.

— Поехали домой, — сказал он.

— Конечно, — ответил я.

Мы дошли до кареты.

И когда я уже ставил ногу на подножку, услышал за спи-

ной шорох.

Обернулся.

В дальнем конце коридора стоял человек в форме курьера — серый плащ, сумка через плечо. Лицо обычное, незапоминающееся. Но глаза глаза были слишком пустыми.

Он смотрел не на дядю.

На меня.

А потом поднял руку и провёл пальцем по воздуху, будто ставя невидимую отметку.

Я почувствовал, как по коже прошёл холод.

Печать.

Не имперская.

Чужая.

И в тот же миг курьер развернулся и исчез за углом, растворившись в толпе, как капля в реке.

Я сел в карету и закрыл дверь.

Дядя заметил мой взгляд.

— Что-то увидел? — спросил он с лёгким любопытством.

Я улыбнулся.

— Да, — сказал я. — Что у нас в столице хорошие курьеры.

Дядя рассмеялся, не понимая.

А я сидел и считал.

Считал цену крови. Считал шаги. Считал людей, которые уже заметили, что наследник не просто дышит.

Он думает.

И если в игре появился кто-то третий — международный, чужой — значит, у меня осталось ещё меньше времени, чем я планировал.

Карета тронулась.

Впервые за это утро меня осенила простая, но леденящая душу истина: моя ценность в этом мире будет измеряться не только желанием обладать мной, но и готовностью идти на крайние меры ради этого. Меня будут жаждать, меня будут похищать, а если не удастся — уничтожат.

Глава 5

Глава 5 — «Нож без клинка»

Дом встретил нас тишиной.

Не уютной — выставленной. Такой, которая появляется, когда слуги заранее получают приказ: не шуметь, не смотреть, не дышать лишний раз. Чтобы хозяева могли поговорить по-семейному.

Карета остановилась у крыльца. Лакей распахнул дверь. Дядя вышел первым, как всегда, и протянул мне руку — жест был идеален, воспитан, даже доброжелателен.

Я не взял.

Соскочил сам, чуть резче, чем нужно. Пусть видит: я не собираюсь цепляться за его поддержку.

Дядя не обиделся. Он вообще не выглядел как человек, способный обижаться.

Он выглядел как человек, способный списывать ошибки в графу временные неудобства.

Мы поднялись по ступеням, прошли холл. Марфа стояла у арки и смотрела так, будто пыталась понять, кто из нас выйдет живым из следующей комнаты.

Дядя повернулся к ней:

— Чаю в мой кабинет. И — он слегка улыбнулся, — пусть Дмитрию принесут лекарство.

Дядя бросил на меня короткий взгляд.

— Ты выглядишь бледно.

Он не заботился. Он фиксировал симптом.

Мой приказ Корнееву стоил мне больше, чем я хотел показать. Нос уже не кровоточил, но в голове всё ещё гудело, как после долгого боя.

Мы вошли в дядин кабинет .

Я ожидал роскоши — и получил её. Но не той, что кричит о богатстве. Здесь всё было рассчитано: тяжелая мебель, ровный свет, карта империи на стене, несколько артефактных рамок с печатями. Угол комнаты занимал стеклянный шкаф с книгами — не для чтения, для статуса: юридические сборники, дворянские реестры, хроники войны.

Дядя сел за стол, показал мне кресло напротив.

Я сел.

Он сложил руки и посмотрел на меня так, как смотрят на человека, который наконец-то перестал бегать и сам пришёл в ловушку.

— Дмитрий, — сказал он мягко, — ты сделал сегодня две ошибки.

— Только две? — спросил я.

— Первая: ты пошёл к нотариусу без подготовки. Вторая: ты заставил его говорить.

Я медленно выдохнул.

Значит, он заметил. Или ему доложили. Или он сам почувствовал.

В любом случае — он уже считает мои шаги.

— Я никого не заставлял, — сказал я.

Дядя улыбнулся — и на мгновение эта улыбка стала почти настоящей.

— Заставлял, — сказал он. — И ты это знаешь.

Он наклонился чуть ближе.

— У тебя просыпается источник, Дима. Я рад. Правда. Это означает, что ты станешь достойным преемником славы нашего рода.

Если доживёшь.

Он не произнёс этого вслух. Ему не нужно было.

Я посмотрел на карту на стене, потом на него.

— Вы хотели, чтобы он не просыпался? — спросил я.

Дядя поднял брови.

— Я хотел, чтобы ты был в безопасности.

Я рассмеялся — коротко, без веселья.

— В безопасности у вас? — уточнил я.

Он не изменился в лице.

— Да, — сказал он. — У меня.

Тут внесли чай.

Марфа поставила поднос на столик сбоку. Её руки дрожали. Дядя даже не посмотрел на неё, как на предмет мебели, который выполнил функцию.

Когда дверь закрылась, он продолжил:

— Ты поедешь в Академию через три дня.

Я замер.

— Через три? — переспросил я.

— Да, — подтвердил он. — Я договорился о твоём зачислении в ускоренном порядке. Тебе там будет полезно.

Ускоренное зачисление. Полезно.

То, что выглядит как подарок, обычно является упаковкой для бомбы.

— Почему такая спешка? — спросил я.

Дядя налил себе чай. Движения были уверенными, ровными, как у человека, который не боится, что чашка окажется последней.

— Потому что в городе стало небезопасно, — сказал он.

Я вспомнил курьера.

Чужую печать.

И понял: дядя тоже это почувствовал. Или — он об этом знал заранее.

— Небезопасно для кого? — спросил я.

— Для тебя, — сказал дядя и сделал глоток. — И для меня. А значит — для рода.

Я молчал.

— Тебя будут провоцировать, — продолжил он. — В Академии у многих есть интересы. У Демидовых, у Салтыковых, у Черкасских Ты должен быть осторожен.

Он перечислял кланы так, будто читал список покупок.

— Демидовы, — повторил я.

— Да, — кивнул дядя. — Особенно они.

— И что вы предлагаете? — спросил я.

Дядя поставил чашку.

— Я предлагаю договор, — сказал он.

Я внутренне напрягся.

В этом мире договоры не всегда подписываются чернилами.

— Какой? — спросил я.

Дядя открыл ящик стола и достал папку. Не толстую. И это было плохо: самые опасные документы всегда короткие.

Он положил папку передо мной и развернул.

Текст был ровный, юридический, с печатями. На первой странице крупно: Семейное соглашение об управлении родовыми активами.

Я пробежал глазами.

Суть была проста: я официально подтверждаю опекунские полномочия дяди ещё на два года в целях стабилизации, а он обязуется содержать наследника, обеспечить обучение и защищать интересы рода.

И отдельно — маленький пункт, написанный так, чтобы его не заметили без привычки:

Наследник обязуется не инициировать самостоятельных проверок финансово-имущественных операций рода без согласования с опекуном.

То есть: не лезь.

Красиво.

Я поднял взгляд.

— Это ультиматум? — спросил я.

— Это забота, — ответил дядя. — Подпишешь — и всё будет спокойно.

Я закрыл папку.

— Не подпишу, — сказал я.

Дядя не удивился.

— Подпишешь, — сказал он тихо.

И вот в этот момент я понял: он не угрожает словами.

Он готовится.

В воздухе было что-то едва заметное. Как перед грозой. Как натяжение тонкой нити.

Я посмотрел на его руку.

На перстень с печатью рода, который носил не я.

На рисунок: крылатая птица и три звезды.

— Перстень отца? — спросил я.

Дядя посмотрел на свою руку так, будто впервые заметил, что она существует.

— Он был у меня на хранении, — сказал он.

— Верните, — сказал я.

Дядя улыбнулся.

— Верну, когда ты станешь готов.

Я медленно вдохнул.

Я мог бы приказать. Сказать: Отдай.

И перстень, возможно, сам слетел бы с его пальца и упал мне в ладонь.

Но цена и последствия и факт, что он ждёт этого.

Он провоцирует меня раскрыться.

Значит, нужно иначе.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда сделаем так: вы даёте мне доступ к кабинетам и архиву дома, а я подписываю соглашение.

Дядя чуть прищурился.

— Архив? — переспросил он.

— Да, — подтвердил я. — Я же наследник. Хочу знать историю рода. Без финансов. Просто историю.

Я сделал голос мягче, почти наивным.

Ложь.

Но ложь, которую он хочет услышать.

Дядя задумался.

— Архив опасен, — сказал он. — Там есть вещи, которые — могут меня расстроить? — закончил я. — Я уже расстроен, дядя.

Он усмехнулся.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я подумаю.

Это означало нет, но не окончательно. Он оставлял себе пространство.

— Подпись — завтра, — добавил он.

— Я тоже подумаю, — сказал я.

Дядя поднялся. Это был сигнал: разговор закончен.

— Отдыхай, Дмитрий, — произнёс он. — И не используй свои новые способности без необходимости. Это вредно.

Он знает. Или догадывается.

Я тоже встал.

— А вы? — спросил я. — Вы пользуетесь магией?

Дядя остановился у двери и обернулся. В его взгляде на секунду промелькнуло раздражение.

— Я? — переспросил он. — Я, Шереметьев.

И вышел.

Дверь закрылась, и я остался один.

Тишина в кабинете теперь казалась не выставленной, а настоящей — потому что никто не дышал рядом.

Я подошёл к окну.

Во дворе стояли люди. Охрана. Больше, чем было утром. И это не были обычные домашние.

Некоторые носили на запястьях одинаковые браслеты — тонкие, незаметные, с красной нитью внутри металла.

Контрактники.

Наёмники, привязанные магическим договором.

Значит, дядя не просто боится за меня. Он укрепляет позиции.

Я провёл пальцами по медальону под рубахой. Трещина холодила кожу.

Нужно было действовать быстро. Но без лишней крови.

Я вышел из кабинета, пошёл по коридору к себе. Слуги отводили глаза. Охрана делала вид, что не смотрит, но я чувствовал взгляды на спине.

У своей двери я остановился — и услышал шёпот.

Изнутри.

В комнате кто-то был.

Я не сделал вид, что не заметил. Я медленно открыл дверь.

Комната выглядела как обычно — постель, столик, ларец.

Но у окна стояла девушка.

Молодая. В простой форме служанки, но ткань была слишком качественной, чтобы быть слугой. Волосы убраны, руки без следов работы.

И главное — она держала пальцы так, будто только что ставила печать на воздух.

Она обернулась.

Глаза серые, спокойные, слишком взрослые.

— Дмитрий Александрович, Ваша Светлость — сказала она. — Простите. Мне велели передать.

— Кто? — спросил я.

Она посмотрела на дверь, будто проверяя, слышит ли кто-то.

— Тот, кто не хочет, чтобы вы подписали соглашение, — произнесла она тихо. — И тот, кто не может прийти сам.

Она протянула мне маленький конверт без подписи.

Я не взял сразу.

— Назови имя, — сказал я.

Девушка улыбнулась. Слегка. Без тепла.

— Если я назову — меня убьют, — сказала она. — Если вы не возьмёте — вас убьют. Выбирайте, княжич.

Слова прозвучали буднично, как прогноз погоды.

Я взял конверт.

Бумага была плотная, с едва заметной тиснёной полосой

по краю. Не дворянская. Канцелярская, но дорогая.

— Кто ты? — спросил я, не отрываясь от конверта.

Девушка сделала шаг назад, к окну.

— Я — посыльная, — сказала она. — Сегодня.

И добавила:

— Не пользуйтесь приказом при свидетелях, Дмитрий Александрович. В доме есть уши. И не все они человеческие.

После этого она открыла окно и просто вышла наружу.

Не прыгнула. Не упала.

Шагнула — и её фигура растворилась в воздухе, как дым.

Я поднёс конверт к свету, потом вскрыл.

Внутри была тонкая карточка и один лист.

На карточке — знак: крылатая птица и четыре звезды.

Не наш герб.

Почти наш.

И подпись: Регентская канцелярия. Сектор внутренней безопасности.

Лист был короткий.

Ваша Светлость, Дмитрий Шереметьев.

Не подписывайте соглашение. Ваша подпись активирует контрактную печать, ограничивающую ваш источник.

В Академии найдите профессора Ратникова (кафедра права печатей). Скажите: Я видел курьера без лица.

Живите до начала учёбы. Всё остальное — потом.

Я перечитал дважды.

Контрактная печать. Ограничение источника.

Вот почему дядя так спокоен. Он не боится моей силы — он собирается надеть на неё поводок.

И письмо от регентской канцелярии?

Значит, у империи есть второй игрок. Тот, кто следит за такими, как я. И, возможно, тот, кто решает, кто из них должен выжить.

Я услышал шаги в коридоре.

Слишком тяжёлые для слуги.

Охрана.

Я быстро спрятал письмо под ларец, под двойное дно — Дмитрий знал о нём, память тела подсказала. Руки сработали сами: щёлк, бумага ушла в тайник.

Дверь распахнулась без стука.

Степан Платонович стоял на пороге, мрачный.

— Дмитрий Александрович, — сказал он. — Его Светлость просит вас спуститься. Ужин.

Я кивнул.

— Иду, — сказал я.

Он задержал взгляд на открытом окне.

— Сквозняк, — заметил он.

— Проветриваю, — ответил я.

Он кивнул, но я увидел: он понял, что окно открывали не ради воздуха.

Когда он ушёл, я подошёл к зеркалу.

На губе всё ещё была тонкая полоска крови — засохшая. Я стёр её рукавом.

Тело слабое. Врагов много. Союзников — неизвестно.

Но теперь у меня было главное: подтверждение, что дядя готовит печать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.